

ЦѢНА
15К.

ЖУПЕЛЪ

1905 ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ № 1

В. И. Анфимовъ

1905 годъ.

Жупель—это сбра. Обыкновенная желтая сбра, известная, по всей широкости, всѣмъ. Народъ говоритъ, что сбра, въ большомъ употребленіи въ агу. Изъ сбра въ подземные дузи приговоромъ расплавленной полужидкой булавой, въ которой и свергаютъ грѣшниковъ за ихъ порочную жизнь. Такимъ образомъ, еще задолго до редакціи «Жупела», высшее суданше избрало жупель для очищенія грѣховъ. Завладѣвъ въсами Оемингъ, мѣ «Жупеломъ» буденъ указывалъ грѣшниковъ здрѣс же, не ожидая, пока подземный жупель обожжетъ ихъ въ кровяномъ агу. Открытыя сегодншнимъ номеромъ свой незаписанный и несмѣнный судъ, мѣ, сего числа и года, торжественно надѣваемъ на себя трибунальскую цѣпь. Мѣ буденъ справедлива, но заѣ, и вѣщи чернила и краси пойдутъ на то, чтобѣ слово «жупель» стало страшнѣмъ не только куличамъ, живущимъ за Москвой-рѣкой.

Народъ говоритъ, что старѣ пѣтухи любящѣ иной разѣ пошутить. Садетъ старѣй шутникъ на названную кучу да и свестѣтъ яйцо.

Яйцо какъ яйцо,—только если на него усадется бездѣтннн жаба, то изъ этой пѣтушиной шутки выходитъ совсѣтъ уже не съѣтъ.

Изъ яйца выходитъ ядовитѣй амѣибнѣ сѣ коровкой на лѣу—Василскѣ.

Въ природѣ иѣтъ существа, которое было сѣ заѣ и отравилася въ этого маленького явѣрва.

Однѣмъ своимъ видомъ онѣ убиваетъ людей и животнѣхъ; онѣ его дѣланіи отравляется воздухъ, расстрекиваются скалы и сохнетъ трава.

Василска велѣе убитѣ ни ядомъ, ни стрѣлой, ни огнемъ, ни водой.

Но спомнѣ ему только покажатъ зеркало, и онѣ потибнѣтъ, онѣ одного своего вида, онѣ одного взгляда собственнѣхъ глазѣ.

Передъ Василскомъ ядутъ блеснуло стекло. Зеркало поставило передъ нимъ безвоннннн жизнь.

И блѣднѣй ужасъ отражается въ страшномъ стеклѣ.

Отравленнѣй собственнѣмъ видомъ, онѣ извивается, какъ ущемленнѣй ужѣ.

Онѣ въ конульскѣхъ снѣрни, онѣ мечется и брызжетъ ядовитой слоновой.

Его лапа бьетъ по стеклу...

Но зеркало поставлено живою. Оно поставлено твердой рукой...

С. Юрковс.

ОРМУДЪ.

Ни алмарей, ни истукановъ,
Ни пещиныхъ каминовъ. Миръ одушевъ
Въ покровѣ мира и тумановъ:
Огосторичне только свѣтъ.

Властька свѣта все въ единомъ—
Въ борбѣ со тьмой. И потому
Огни зажгите по вершинамъ:
Вознавириче только тѣму.

Ночь претвю мира властью пранивъ,
Но мудрый жаждетъ вѣршии дню:
Онъ въ мѣрѣ радостѣ солнца славитъ,
Онъ поклонится огню.

И, возложитъ костеръ на камень,
Всю жизнь свою приноситъ въ даръ
Тебѣ, неугасимый Пламень,
Тебѣ, испирающій Датаръ!

Иванъ Бруновъ.

Видя по мостушкамъ по-Волею,
По широкому раздолью
Взбуждалась природа,
Размечалась вѣсть святая,
Что востала Русь родная,
Съ ней—Свобода.
Далго-долго въ злой неволѣ
Русь жила чуждой долѣ
Для народа,
За Свободу кровь ступалась,
Все тяжела становилось
Годъ отъ года.
Потабля народъ бездальный,
Беззащитный, подчелоленный,
По темнице,
Голодалъ по свободѣ своей,
Нимало подъ призывомъ
По стволу,
День настала, и Русь отдохнула,
Записалась земля отъ гула,
Задыхала,
И распалась ономъ,
И шептала языкъ свои,
Лезе стало.
Такъ заманивалъ тѣсно, братцы,
Какъ думали святотатцы
Русь родную,
Закладывая имъ аго проклятье
И спелю возбавило бривалы
Пелью агу,
Слова заманивалъ народа!
Вали добыча Свобода
Съ тяжелой болѣю,
Вамъ отъ насъ поклонъ стубою—
Видю по Волею, по широкой,
По раздолью.

А. М. Водосовъ.

МИДАСТЬ.

Въ былинъ времена иными леда были,
Какъ дѣти малые. Съ утра и до утра
Толпами извѣрей пригнетывали ходили
И преданью причали изъ стуръ.
Такъ было въ древности съ народными толпами
Въ Кировѣ, въ Ала, повсюду,—гдѣ въ тотъ разъ
Народомъ клановалъ съ осенними туманами
Новоотривенный какой-нибудь Мидасть.
Въ тѣ дни была пѣлдова Свобода,
Еще не вступила вълѣ шила и тюрора.
Среди газонного и ницого народа
Была для извѣрей съветливая пора.
Она вѣдь къ востановку добра, Мидастъ эти!
Съ народа ницого силае тождо суму,
Даруютъ милостиво кнутъ, пѣтлѣу, плети,
Шпадретены, олоны и тюрору.
Судьба кавычипина,—козарна персоча,—
Печальный имъ гонимый ухдѣ:
Прованникъ Фигаро подъ золотой коровой
Ихъ уши диними случайно возмоторуѣ.
И вотъ... прощай, вѣнчики догада!
Кавой съ тѣхъ поръ себя ни округалъ.
Мидастъ разговаривалъ уселеной охривой,
Какимъ стариннымъ влестъ имъ поругалъ,
Какъ угрожающе ни шепталъ ушани,—
Вѣдь, вѣдани,—слотуюто пѣлою
Народъ качить уверю предъ дворяни:
— Долой, Мидастъ, долой!

С. Гусевъ-Орловбургскій.

ПРИТЧА О ЧОРТѢ.

Съ возлюбленною прошею аста,
Которой тождо учить нисказанный свой даръ,
Къ жѣтѣ влелся Чортъ, вѣль за руку Поета,
И потъ коня повелъ—куда бы?—на пожаръ.

Горѣтъ огронный домъ, потададипитажалъ,
Стрелочка рухнула съвою дымо надо мной.
Пожарию, толпой партизой и огазной,
Спасали въ отвѣлахъ людей и хлапъ чужой.

И Чортъ промолвилъ мнѣ:—Не протателю за это?
Подвога, конечно, нѣтъ, и домъ а стронзъ самъ.
Но сколько близкою хдѣтъ извѣстннго чѣта,
Какъ дмѣ возлѣтѣно восходить къ Небесамъ!

А тѣ мушдринки—что дѣлали протъ этикъ?
Сидѣли въ кабинѣтѣ и шили драпъ свои.
Теперь же сползло въ нихъ геробство ми шитѣны,
Въ самоотверженномъ служеши бытѣ!

А конъ шѣтлелъ тамъ влестъ, въ шѣтъ чую благопривости:
Потѣлъ весь бѣлъ-бѣлъ, тамъ таждѣтъ мука бытъ старъ.
Но въ ночь за съ мѣромъ ми видѣтъ съботворности.—
И Чортъ, схитрилъ влестъ, сталъ залавать пошпръ.

К. Болмачева.

Октябрьская улица.

«Солдатушки, бравы ребятушки!
Гдѣ-же ваша слава?»

СВЯЗКА О ХИТРОМЪ СЕРГѢѢ.

Не старшую былинку,
 Не среднюю кручину—
 Скажу-скажутъ вамъ, друзья,
 Зайохать войдѣтъ я.
 Въ преогромномъ гнѣвѣхъ царствѣ,
 Въ православномъ государствѣ
 Разъ, въ одинъ несчастный годъ,
 Вунтоватъ сталъ народъ.
 Какъ я что—я, признаюсь,
 Объяснить вамъ не беруся,
 Только малый и большой
 Стали всѣ кричать: «долой!»
 Тутъ начальство исполохалось,
 Испугалось, рассердилось,
 Стало думать да гадать,
 Какъ бы смуту ту унять.
 Долго думать не пришлось:
 Вѣдь давно ужъ повелось,
 Что начальство, гдѣ не знаетъ,
 Не правится размышлять.
 «Мы поставимъ имя Митюху,
 Пусть-ка хвостѣмъ вслѣхъ по уху,
 «Всюду водить тишь да гладь—
 «Живо бунту не бывать!
 «А чтобъ не было и шуру—
 «Государственную душу
 «Пусть Митюха выведетъ,
 «И дурачку ей пародитъ!»
 Такъ ушливъ, повожили,
 «Сообщенье» сочинили
 И, забравши кушъ большой,
 Побрыли къ себѣ домой.
 Сталъ орудовать Митюха:
 Шибко дрались охъ по уху
 Да карбонажъ—ваздыкъ разъ
 Вѣхнулъ въ брѣхъ, либо въ глазъ.
 Дочинялъ охъ закоченѣвъ,
 И воинскимъ положеніемъ,
 Бѣлъ я шпелю, какъ ухѣлъ,
 И шарпоновъ не жалѣлъ.
 Только какъ охъ ни старался,

Бунтъ никакъ не унялся:
 Ресъ, какъ слышавшюхъ намъ,
 Но по днямъ, а по часамъ,
 Вобутовались горы, доли,
 Города, дороги, селы—
 Проивался бунтъ вездѣ:
 На вѣхъ и на водѣ.
 Вотъ начальство стало снова
 Размышлять весьма толково,—
 Что имя дѣлать, какъ имя быть,
 Какъ кармолу погубить.
 «Семь-ка, братцы, воскорѣте
 «Половимъ къ себѣ Сергѣя!
 «Охъ и попой торганаля,
 «И япота пудуаля!»
 За Сергѣемъ тутъ послали,
 На соборъ его признали,
 Поклонились до земли.
 Тутъ ужъ «графъ» поднесли.
 «Ахъ, Сергѣюшка родимый!
 «Ты штуваръ взаимивинный,
 «Ты пудушъ хоть ного,
 «Даже чуръ самого!
 «Видишь, въ смутѣ населенно,
 «Всюду свѣжа и волненно,
 «Хоть Митюха и палитъ,
 «Все жъ народъ «долой» кричитъ.
 «Съ душой—дѣло не спорится,
 «Хоть Митюха и храбрится,
 «Что япотова охъ поплѣтъ,
 «Заслѣхъ въ вой за народъ,—
 «Но нельзя же, чтобъ япотова
 «Диктовали намъ законъ!»
 Тутъ Сергѣй бѣвъ слово, по сѣблю
 Разомъ признался за дѣло—
 Настроичилъ за одинъ праствѣтъ
 Нобымаый манифестъ.
 Обицалъ страбѣ свободу,
 Ласота вслѣхъ народу:
 Собрался, говоритъ
 И сокомъ выводитъ.
 —«Да вѣдъ это, мѣбъ саетея,
 «Ков-сн-ту-а-ебъ конста?»—

Молвалъ чурстивъ, какъ суваръ,
 Старей обер-поповаръ.
 Но Сергѣй съ улыбой ластивою
 И съ осяной горделивою
 Отвѣчалъ: «Вамъ все, друзья,
 «Обицано сейчасъ же а:
 «Пусть Митюха остается,
 «Пусть по-прежнему дерется,
 «Пусть палитъ еще свѣяны—
 «Все мѣбъ на руку, ой-ей!
 «Я уступлю не земляю,
 «Я нѣтъ только обомѣю.
 «А попова... Калугеръ я намъ,
 «Нямого я мѣбъ не дамъ!»
 Тутъ начальство повожило,
 Поглядѣло, понюжило
 И, качая головою,
 Побрыло къ себѣ домой.
 А Сергѣй съ улыбой ластивою,
 Да съ осяной горделивою
 Сталъ старанно упривалитъ
 И министровъ выбирать.
 А чтобъ впередъ такъ населенно
 Не испало въ испуственно,
 Между прочимъ, ойъ сказалъ,
 Что Митюха—либерала.
 Слово свѣяка говоритсея—
 Дѣло министова творитсея...
 И что сталося потомъ,
 Я не вѣдаю о томъ.
 Говорятъ, что и Сергѣю
 Хорошо палдали за шемъ...
 Да зачѣмъ болтать про то,
 Что не вѣдѣтъ никто!
 Какъ доподлинно узнаемъ,
 Да въ газеткахъ прочтемъ,
 Показемъ да поведемъ,—
 Хвѣба-сели послѣдны—
 Вотъ тогда ужъ нашу свѣянку
 Мы, дастъ Богъ, закончимъ гладно,
 Скажемъ свѣяку до конца
 Про Сергѣя хитреца.

Бор. Лавровск.

ОРЕЛЬ-ОБОРОТЕНЬ
ИЛИ
ПОЛИТИКА ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ

Л. М. Гуреева

КСЕРКСЪ И МОРЕ.

«Я собралъ мой дружина оубъ Эгея до Яксарта
 «Да пагубю во прахъ Афинъ и пошлю просити Спарти!»
 И на пишную Заладу съездившии класиалии
 Дивуауа громууа громууа вичислениихъ дружини.

Дологъ пунбъ. Но волнъ и море. Тамъ въ граня горизонта
 Ходитъ волни на протори, бивши бура Гелеспонта.
 «Государь, гончи вбшатию, су превистихъ береговъ
 Волнъ дерзко все съездившии ибши сабуа тивохъ
 мостовъ!»

Царь вослажуауа, глванъ полнии, съ диниъ кростию во востр:
 «Проситъ цѣмъ въ мни волни, жаказашъ бични моръ»
 И свирнлосъ изказибе: салвини каменъ палачи
 И жалъное братибе и свистниахъ жуки бачи.

ПРО ДОБРАГО ЦАРЯ
БЕРЕДЕНЯ.

Душию дивна спростае умевъ ли
 царь Берендей?—Душию дивна смити
 милье «Царь Берендей оубъ добрый
 человекъ».

Однуауа добрый царь Берендей за-
 шитлосъ судити что-нибудь приятное
 и полезное для народа. Оубъ сѣхъ въ
 спосу и началъ писати манифестъ:
 «Въ неуспѣшнѣй посевниа о благахъ
 ибрихъ моихъ подрабѣхъ... Дальше
 царь Берендей много же носъ преду-
 митъ и засуауа».

Царь Берендей спростауа безопи-
 ние. Придворные «объясали ему,
 что это оубъ предвѣстникъ дурнъ.
 Царь Берендей же согласился съ
 ними». «Напротивъ, сказалъ онъ, когда
 я начинаю думать, тогда меня на-
 шитъ ко спусу».

Царь Берендей оубъ огорчился,
 когда его народъ голодалъ. Однуауа
 онъ сѣхъ раскрыиъ рассказы о
 томъ, какъ спростаиъ голодаше, и,
 сѣхъ за спосу, сказалъ: «Я не могу
 вѣстъ иного суа, когда мой бѣднѣй
 народъ голодитъ». Министръ отпра-
 вилъ суауа въ голодающѣ губерна, а
 царь Берендей велѣаъ захаритъ финан.

Анна.

ОШИБКА МОЛОДОСТИ.

Гр. С. Ю. Витте.—Все? Больше ни-
 чего нѣтъ?

Секретари. Еще писано одно
 нѣтъ.

Гр. Витте (писалино). По востр?
 Секретарь. Уви, ваше сіятельство...
 Вручено швейнару. (Заказавше). Осми-
 лось доложить, ваше сіятельство, кон-
 вертъ странной формы, грубой, и сверху
 амура... Прахайте въ личный портфель,
 отложитъ?

Гр. Витте. Ахъ, нѣтъ, покажу-
 сь, читайте! (закрываетъ глаза и по-
 грываетъ губами въ кресло).

Секретари читаютъ:

«Ваше сіятельство! Пишу это писано
 я, извожа выа, и даже оубо хоро-
 рошо. Позвольте вамъ спроситъ, какъ
 мнѣ объ васъ пониматъ? Я была моло-
 дельца, въ восточной плѣт, и ны
 вани мени на содержание. Господитъ
 обер-прокуроръ Пободоносъ при

Но въ смити въ глванъ беау «Ирѣи волни бившо играюиъ,
 Мѣриносѣа прѣрѣ въ нѣтъ безапаю побояиъ».

Море плашетъ, море ритетъ... вудрѣи оубълауауа и
 аженъ!

И какъ будто бы свѣтятся и востлѣваю поетъ:

«Душиа десношъ, караръ соннѣ, уроши свой глванъ
 суровѣ!»

«Въ глубинѣ моръ безапошии много силъ для буря волнъ;
 «Писатири, влано отагоуа, брѣтѣи сѣбѣнѣ дроа,
 «Я сейчасъ спланоуа вланоуа бронууа весело въ теба».

«Жалкѣи караръ десношъ бѣднѣиъ, царъ восточнѣиъ варауа,
 «Салвиниъ холмѣ мой побудниа! Я—велика свобода!
 Громче буря грохотанѣ... Съ тѣниоуа дучю на челъ.
 Царъ споннѣ, кнѣ вавокаѣ, испоркию на свѣа...»

Владъ Савостроуа.

томъ присутствовали, а даже въ пишу
 записали, такъ что выходило, какъ про-
 копшея брамомъ, Генералъ же мени
 оставилъ съ малютинами купюнами,
 безъ всякаго пропитаня, и въ вѣаю
 что дѣлатъ. Въ государственномъ банкѣ
 мени на вострѣ не пушатъ, гонятъ
 въ тѣю, мѣтиаъ вланоуа. Какоо же наше
 благородство послѣ этого? Какъ мы съ
 вами судителе, то были мы въ графъ,
 а Сергѣи Юльевичъ, и я глвауа вѣрла
 по исполнителю, какъ благородному
 мужичиу. Выходитъ до съ шнѣи спору
 одно коварство, и больше ничего.
 Я была честная, а восте шнѣи мени
 по беретъ, и спусу я къ телу своего,
 съ спростама купюничани.

А намедни изъ беретъ купюа. Трионо-
 вниа мени оубоно обѣдѣа, гонорикъ:
 «нидѣна», а шнѣю же заступниа.

Мы мени, ваше сіятельство, не знете.
 Какъ ко мѣи добры, то и и добры; а
 комотъ, какъ тѣаъ злобѣа, то и ош-
 сать позвожело. Но, безъ злобѣа сѣ-
 дѣна, глвауа свои выпланиани, и въ
 жестокости пришла. Я «каралъ» при-
 чѣауа буду; а позвожоу; въ глва-
 тахъ публициани сѣлао. Пундѣи нѣтъ
 сморитъ, что мы со жино сѣлаю.
 Потлѣниа, понюжованѣа, все прасу
 жою влани, а пошча, какъ пѣтаюуауа,
 на улаку выгнали съ малени купюни-
 чани. Берете ихъ, ошнѣиуа берите!
 Ваши они, графское спростае!.. А у
 мени уже ошнѣиуа больше нѣтъ.

Нѣтъ-ниа вамъ оубо Государ-
 ственная Рента.

Гр. С. Ю. Витте (открыла глаза,
 къ секретарю):

— Рентае вѣшнѣ! Какъ она пала! Но
 бужеа милосердию. Какъ это у Гюго;
 ой, и'elles...

Секретарь (быстро декламирует):

Oh, a l'heure jamais une femme qui tenait!
 Mais, oui, tout quel fardeau la partie une cauchemar.

Гр. С. Ю. Витте Да, да... (задумывается). Вотъ что. Пошлите ей телеграмму—

Секретарь. Телеграмку?

Гр. С. Ю. Витте. Съ посылками, въ иностранскіе. Скажите, что я очень хорошо помню свои обязательства. И ее выдать кому-ка... за какого-нибудь расвордательнаго почтено-телеграфнаго чиновника... Разумеется, послѣ окончанія заботовки (закрываетъ глаза и дѣлаетъ знакъ секретарю уходить).

Новое посто.

ХРОНИКА.

«Синъ Отчизны» сообщилъ, что нѣкій членъ тайнаго правительства въ лейб-штатъ укралъ у публичнаго дѣшана, въ Парижѣ, бриллиантова серьга, кольца, броши и прочее. По заведеннымъ нами спривкамъ въ министерскіе

внутреннихъ дѣлъ, оказалось, что слухи эти нѣсколько преувеличены, т. е. краже означенный штатъ не укралъ.

Мы слышали, что совѣтъ министровъ начитально издалъ свои первоначальныя велѣнія на вопросъ о польской автономіи. Въ эту-жъ выдалъ правительствомъ графа Витте намѣрено представить общерусскому двору г-жи Клеинской заманованіе «Бродство Клеинское».

Автономія воннаго дружества принципиально рѣшена въ благоприятномъ смыслѣ.

Въ связи съ совостовольскими событиями предполагать гдѣмъ рѣчь реформъ. Бродность «Книга Пестель», первоименованный изъ «Наставленіюна Цѣлителя», и получившій пексотора на это три шробанна, будутъ отпихъ измѣняться «Докторъ Вальдбергъ».

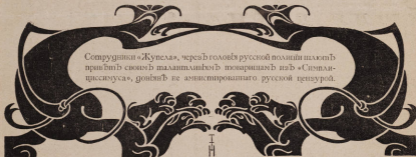
Вчера, въ 12 часовъ дня, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати,

д. ст. совѣтникъ Бельгардъ, тремя выстрѣлами въ револьвера застрѣлилъ восточнаго почтвнаго гражданина Шпоныа.

Можно-жъ преступленіа послужило мадоросійскому управствѣ Шпоныа, котораго на землопокраина предложенія г. Бельгарда взять разрѣшеніе на изданіе газеты или журнала, неизменно отбѣчалъ:—«А вы слышите пидь три чорты!».

На Рязань-Уральской ж. д. дѣшевость платнаго «хлопошника», востребованнаго въ вагозахъ вѣсковыхъ, зналъ выдѣ уволонный повомочна Оренбургскаго учебнаго округа г-нъ Засконовскій.

Подготовку къ своему вѣдомствѣ обшашности «встрѣтилъ» г. Засконовскій возмущилъ еще въ Оренбургѣ, въ онъ собственноручно обшашилъ гимназическія постелы, отпихъ не вѣлѣ въ виду пайты востребованку, но тѣло ради клопа.

Сотрудники «Жупела», черезъ головы русской полиціи изкаютъ привѣтъ своимъ малымъликамъ товарищамъ изъ «Семипалатиссисмуса», допикъ въ администраціоннаго русской цензуры.

Разукъ Тн. Тн. Мейне къ «Стрѣльбамъ».

Редакторъ З. И. ГРИБИНЪ.

Надатель С. П. ЮРИЦЫНЪ.

„ЖУПЕЛЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ.
 въ журналѣ ПРИНИМАЮТЪ ПОСТОЯННОЕ УЧАСТІЕ:

ХУДОЖНИКИ: Б. И. Анисимовъ, Л. С. Ваншта, А. Н. Вонга, И. Я. Виллехомъ, О. З. Бразъ, А. Галговъ, И. З. Граваръ, З. И. Гривбинъ, М. В. Добузинскій, Е. Гривбинъ, С. В. Иакозь, Ф. В. Изорскъ, Д. Н. Изорскій, Е. П. Иуставовъ, Е. Е. Лавковъ, Е. Н. Милова, А. П. Острелкова, Д. О. Пастернакъ, Спарковъ, И. А. Соловъ, В. А. Сорокъ, П. М. Травонскій, П. Е. Шербаевъ и др.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, Н. П. Анисимовъ, Н. Д. Бальмента, И. Бунинъ, Ю. И. Бездарна, Венчикъ, Е. А. Галговова, А. Г. Горецковскій, Максимъ Горьскій, М. И. Гандриковъ, В. Е. Жаботинскій, А. Р. Нугель, А. И. Нуарикъ, А. А. Луколовичъ, А. П. Муромъ, П. М. Рейсбергъ, Л. Ф. Пастернакъ, В. А. Петровичъ, С. Д. Платоновъ, В. Рыковъ, Сикстель, Тарфа, Е. Н. Черновъ, О. Н. Чокина, Д. В. Филовова, П. Е. Шеголовъ, И. А. Эгалгардъ, А. М. Фодорель, С. Юривскъ, А. А. Яковлевскій.

Художественный и литературный материалъ просить направлять въ редакцію „Жупела“—Невскій пр. 90.

Подписка принимается въ конторѣ „ЖУПЕЛА“ (Невскій пр. 90).

Цѣна 8 руб.—въ годъ, 4 руб.—въ полгода, 2 руб.—на 3 мѣсяца, 75 коп.—до конца 1905 г.

Редакторъ З. И. Гривбинъ.

Отдѣльные номера 15 коп.

Издатель С. П. Юрицынъ.

